

Перечитывать произведения Н. В. Гоголя можно бесконечно, и в них каждый читатель найдёт для себя что-то очень важное. Он свой и философам, и психологам, и юристам, и почитателям природы, а уж «любителям быстрой езды» – брат родной. В поэме «Мертвые души» автор тонко раскрывает экономические особенности России первой половины XIX столетия.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, Россия, XIX век, история, хозяйство

«Мёртвые души» – поэма экономическая!

(К 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя)

И. А. НОВИКОВА,

М. А. РОГАЧЕВСКАЯ,

*кандидаты экономических наук, Сибирская академия
государственной службы,*

Новосибирск

E-mail: nia_55@mail.ru

Порядочный плут

В поэме «Мертвые души»* Н. В. Гоголь даёт читателю проводника – Павла Ивановича Чичикова, способного показать ему государство, в котором можно сыскать и хорошее, и обыкновенное, и дурное.

По происхождению Чичиков был из дворян, его родители владели единственной крепостной семьёй. Образование имел весьма среднее: ему довелось только посещать классы уездного городского училища. Отец его наставлял: «Угождай учителям и начальникам. Береги и копи копейку: Эта вещь надёжнее всего на свете. Всё сделаешь и всё прошибёшь на свете копейкой» (С. 493). Поступив на службу, между чиновниками стал Чичиков человеком заметным: всё оказалось в нём, что нужно для этого мира – и приятность в оборотах и поступках, и бойкость в деловых делах. Добыл хлебное местечко: попал в комиссию для построения какого-то казённого здания. Шесть лет работала комиссия, но казённое здание выше фундамента никак не поднималось. А между тем в разных концах города у каждого из членов комиссии очутилось по красивому дому гражданской архитектуры... Можно было начать благоденствовать. Но вдруг... прислали нового начальника, и всё распущено было в пух. Чичиков пострадал больше других (С. 499).

Перейдя работать в таможню, он проявил редкостную расторопность, проницательность и прозорливость (С. 501). Чичиков ничего не брал из выявленной контрабанды, прославив честным чиновником. Деятельность его очень беспокоила предводителей общества контрабандистов. На предложение от них чиновник ответил загадочными словами: «Ещё не время». После того как Чичиков приобрёл значительный авторитет, получил чин и повышение по службе, немедленно дал знать обществу, сказавши: «Теперь пора». Расчёт его был верен: прежде он был незначительной пешкой и немного получил бы от преступного сговора, а теперь мог предложить какие

* Основной источник: *Гоголь Н. В. Повести. Пьесы. Мёртвые души* / Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. Т. 75. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1975. С. 315–626.

угодно условия (С. 502). Вскоре доход Чичикова перевалил за пятьсот тысяч. Однако тайные сношения с контрабандистами быстро раскрылись, последовали арест, суд и конфискация. Правда, он сумел утаить небольшую часть денег (С. 503).

Но мысль о богатстве и после таких бурь и бед не умирала в голове Чичикова. Занявшись в дальнейшем деятельностью поверенного, он как-то хлопотал о заложении в Опекунский совет нескольких сотен крестьян одного московского помещика. Чичиков объяснил секретарю, что половина крестьян вымерла... На что тот ему спокойно возразил: «Они ведь по ревизской сказке числятся?». — «Числятся». — «Так чего же вы оробели? Один умер, другой родился», — заметил секретарь и быстро закончил дело.

Чичиков, выйдя из присутствия, мысленно воскликнул: «Эх, я Аким-простота! Да накупи я всех этих, которые вымерли, положим, тысячу, да заложу их в Опекунский совет, который даст по двести рублей за душу. Вот уже двести тысяч капиталу! Куплю я их на вывод в Херсонскую губернию. Земли в Таврической и Херсонской губернии даются даром, только заселяй. Туда я их всех и переселю! Деревню назову сельцо Павловское». Вот такой неожиданный замысел сложился в голове Чичикова (С. 505–506).

Он не знал о том, что возможность эта была обусловлена событиями более чем столетней давности.

Предыстория

Как нам известно, Пётру I, искавшему способ увеличить доходы казны, доложили, что подворная подать (основная форма платежа податного населения) определяется «по воротам». Её уменьшение происходит из-за того, что помещики в своих интересах изменяют размеры крестьянского двора, устраивая одни ворота там, где прежде имелось трое или четверо. Советники предложили Петру заменить подворную подать подушной. В указе царя сенату, подписанном в 1718 г., отмечалось введение подушной подати для всего населения, «не обходя от старого до самого последнего младенца»¹.

¹ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. — М., 1950. С. 362.

Перепись мужского населения, так называемой «ревизской сказки», была закончена к 1724 г. Полученный в тот год доход весьма обрадовал императора. Однако у этой подати нашлось много противников. Так, И. Т. Посошков негативно отзывался о ней, говоря, что «душа – вещь неосязаемая и умом непостижимая, и цены неимушая»² – как же можно брать с неё подать? Но мнение противников во внимание принято не было. С тех пор к составлению ревизских сказок привыкли и составляли их по необходимости. Так, по пятой ревизии (1794–1796 гг.) крепостных душ мужского пола имелось 9,9 млн чел.

При Екатерине II в результате успешной войны с Турцией, овладения северным Причерноморьем и присоединения Крыма была образована огромная Новороссийская губерния. Появились новые территории, которые стали обживать ещё до окончания войны. В 1778 г. был основан Херсон, в 1794 г. – Одесса, а потом и другие города.

Деятельность П. И. Чичикова, вероятней всего, осуществлялась в конце 1830-х годов. Определить это можно по тому, что восьмая ревизия проводилась в 1833–1834 гг., а поэма Гоголя была опубликована в 1840 г.

Писатель обращает внимание на то, что положение дворян-помещиков в значительной степени из года в год ухудшалось. Об этом гласил и «Краткий обзор общественного мнения в 1828 г.», представленный III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии императору Николаю I: «Общее обеднение в земледельческих губерниях становится, как уверяют, всё чувствительнее и чувствительнее. Почти три четверти помещичьих земель заложены в ломбардах и банках или в частных руках; помещики не могут больше выплачивать процентов, а крестьянам не из чего вносить казённых налогов»³.

Российские дворяне, закладывая свои родовые и благоприобретённые имения в банке сроком на 20 лет под 8% годовых, получали столь необходимые им деньги. Однако средства шли не на повышение доходности имеющихся владений или

² Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. – М., 2003. С. 156.

³ Цит. по: Родина. Российский исторический журнал. – 2009. – № 3. – С. 39.

приобретение новых, а расточительно проживались. Служилое дворянство отягощалось новыми долгами и в итоге разорялось.

В глазах самого благородного сословия богатство как таковое ассоциировалось не с суммой ежегодного денежного дохода, а прежде всего с числом имеющихся крепостных. Примечательно, что и Государственный заёмный банк придерживался такой же логики. Банк, выдавая ссуду под залог деревень, принимал в расчёт не размеры земельной площади дворянского имения и его доходность, а исключительно «крещёную собственность» – количество принадлежащих помещику крепостных душ мужского пола.

Город N

Итак, перед нами губернский город N. Гоголь замечает: «Въезд в какой-нибудь город, хоть даже в столицу, всегда как-то бледен; сначала всё серо и однообразно: тянутся бесконечно заводы да фабрики, закопчённые дымом, а потом уже выглянут шестиэтажные дома, магазины, вывески, громадные перспективы улиц, всё в колокольнях, статуях, башнях, с городским блеском, шумом и громом, и всё, что на диво произвела рука и мысль человека» (С. 507). Будучи тонким наблюдателем и мастером обобщения, автор так описал город, в который въехал Чичиков, что очень трудно определить, о каком месте Российской империи идёт речь: это может быть любой город в любом месте.

Стоит обратить внимание на то, как Гоголь описывает первые шаги, предпринятые Чичиковым в незнакомом городе. Приезжий прошёл в общую залу трактира, где велел подать себе обед. В ожидании его он заставил слугу рассказывать всякий вздор – кто прежде содержал трактир, и кто теперь, и много ли даёт дохода и большой ли подлец их хозяин. Впрочем, он не всё пустые вопросы задавал. Теперь бы мы оценили его социологический подход: Чичиков расспросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор – не пропустил ни одного значительного чиновника. Но ещё с большей точностью он расспросил обо всех значительных помещиках: кто из них сколько имеет душ крестьян, как далеко

живёт от города, какого даже характера и как часто приезжает в город. Расспросил о состоянии края: не было ли каких болезней в их губернии, – повальных горячек, убийственных лихорадок, оспы и тому подобного (С. 317). Науку, о которую сегодня ломают зубы студенты, приезжий, конечно, не изучал, но как тонко он провёл маркетинговое исследование!

Город ничем не уступал другим губернским городам: также была в глаза жёлтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных. Дома были в один, два или полтора этажа с мезонином.

Писатель посмеивается над наивным стремлением купечества увеличить торговый оборот, привлекая обывателя «широкими заграничными связями»: наряду с обычными вывесками с кренделями и сапогами попадалась вывеска какого-то Аршавского портного, а явно небольшой магазин был украшен надписью – «Иностранец Василий Фёдоров». Как и всюду, встречались харчевни, питейные дома, торговля местными товарами (С. 318).

«Воспользовавшись» губернаторским балом, Гоголь знакомит читателя с местным обществом. Всё было залито светом: блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный. Дамы были одеты хорошо и по моде. Но не они привлекали внимание Чичикова – взор его был прикован к мужчинам. Мужчины, как и везде, были двух родов: одни тоненькие, которые всё увивались вокруг дам. Другой род составляли толстые – почётные чиновники в городе. Увы! Толстые лучше умеют на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие. Наружного блеска они не любят; на них фрак скроен не так ловко, как у тоненьких, зато в шкатулках – благодать божия. У тоненького в три года не остаётся ни одной души, не заложенной в ломбард; у толстого спокойно, глядь – и явился где-нибудь в конце города дом, купленный на имя жены, потом в другом конце, другой дом, потом близ города деревенька, потом и село со всеми угожьями (С. 321).

Толстый, послужив богу и государю, оставляет службу и делается славным русским баринном. А после него тоненькие наследники спускают, по русскому обычаю, на курьерских всё отцовское добро. Гоголь как всегда прав. История наша

свидетельством тому, что подобное происходило много раз. Происходит и теперь.

На балу Чичиков, присоединившись к толстым, встретил прокурора, почтмейстера, председателя палаты. Познакомился с помещиками Маниловым и Собакевичем и получил приглашение навестить их. Итак, первые шаги оказались удачными: каждый день или вечер проводил он у всех известных и важных губернских чиновников.

Быт и нравы

Гоголь показывает различные типы помещиков, дает представление об их имениях, несколькими штрихами обрисовывая состояние крестьянской жизни. Он выбирает Манилова, образованного доверчивого мечтателя, не представляющего, как вести хозяйство. Стремясь быть объективным, Гоголь замечает, что помещики, постоянно жившие в деревне, редко позволяли себе, подобно Манилову, дорогостоящие столичные прихоти. Большинство из них успешно не только сводили концы с концами, но могли даже скопить немалые деньги. Жаль, что лишь небольшая часть помещиков серьёзно занималась сельским хозяйством в своих имениях.

Помещица Коробочка, имеющая лишь некоторое образование, но понимающая толк в хозяйстве, способная отовсюду получить доход — из тех, которые хотя и плачутся на неурожай, убытки, а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки. В один мешочек отбирают всё целковики, в другой полтиннички, в третий четвертачки... (С. 346). Так и Коробочка держала свои сбережения в полновесной серебряной монете, которая изготавливалась из серебра высокой пробы, не была подвержена инфляции и котировалась в 3,5 раза выше ассигнаций аналогичного номинала. Как видно, понимала старушка в деньгах!

Богатый помещик Собакевич заботился о себе и своих наследниках, а потому и о том, чтобы крестьяне тоже жили в достатке. Помещик, как видно, хлопотал о прочности. На конюшни, сарай и кухни были употреблены полновесные и толстые брёвна, могущие простоять без малейшего ремонта не менее ста лет. Деревенские избы мужиков тоже были

срублены на диво: не было на стенах резных узоров и прочих затей, но всё было пригнано плотно и как следует. Даже колодец был обделан в такой крепкий дуб, какой идёт только на мельницы да на корабли. Словом, всё было упористо, без пошатки (С. 386).

Плюшкин, потенциально очень богатый, имел больше всего крестьян в этой губернии, но из-за неумной скупости буквально разорял их и себя. У него была тысяча с лишним душ, и попробовал бы кто-нибудь найти у кого другого столько хлеба зерном, мукою, и просто в кладях, у кого кладовые, амбары, сушилы загромождены были таким множеством холстов, сукон, овчин, выделанных и сыромятных, высушенными рыбами и всякой овощью. Заглянул бы кто-нибудь на рабочий двор, где наготовлено было на запас всякого дерева и посуды, никогда не употреблявшейся, — ему бы показалось, уж не попал ли он как-нибудь в Москву на щепный двор, куда ежедневно отправляются московские барыни с кухарками позади, делать свои хозяйственные запасы... Плюшкин уже забыл, сколько и чего у него было, но оброк собирал по-прежнему, и всё это сваливалось в кладовые и всё это превращалось в гниль (С. 404–407).

Приобретя более трёхсот душ и уже чувствуя себя «херсонским помещиком», весьма довольный Чичиков покинул город. На этом Гоголь с ним расстаётся.

О хлебе насущном

Поэма насыщена экономическими сведениями, разбросанными умелой рукой по её страницам. Описываемая Гоголем Россия — господство натурального хозяйства, основанного на труде крепостных крестьян. Большое внимание обращается им на то, как и чем питаются в губернии, будь то трактир при городской гостинице или на столбовой дороге, или в гостях у важных городских сановников, помещиков или особо у полицеймейстера. Часто за описанием обеда видно не только общественное положение, хозяйственное состояние, но и определённое значение этой повседневной трапезы.

Так, в гостинице Чичикову подали щи со слоёным пирожком, нарочно сберегаемым для проезжающих в течение

нескольких недель, мозги с горошком, сосиски с капустой, пулярку жареную, огурец солёный и вечный слоёный сладкий пирожок, всегда готовый к услугам (С. 317).

А вот в трактирах на столбовой дороге и на станциях подавались проезжающим: ветчина, поросёнок с хреном или со сметаной, ломоть осетра, запеканная колбаса с луком, стерляжья уха, расстегаи, кулебяки, пироги с разными начинками; могут сварить курицу, подать телятинку или баранью печёнку, поросёнка с хреном или со сметаной (С. 359–360). Видно, что частые поездки позволили Гоголю с уверенностью рассуждать об этом важном для проезжающего предмете. И как нам не позавидовать тому экологическому великолепию, которое тогда было рядовым явлением для проезжающих.

Когда речь идёт о городских чиновниках значительного ранга, Гоголь тонко показывает значение ценности этого обеда: небольшой обед у прокурора стоил большого; даже закуска у городского головы тоже стоила обеда (С. 323).

Обед у полицеймейстера отражал не только состояние торговли в городе, но и административное положение хозяина. Гостям были предложены: белуга, осетры, сёмга, икра паусная, икра свежепросоленная, селёдки, севрюжки, сыры, копчёные языки и балыки – всё это было со стороны рыбного ряда. Кроме этого, изделия хозяйской кухни: пироги с головизною, с груздями, пряженцы, масляницы, взваренцы. (Полицеймейстер был в городе как в родной семье, и в лавки и в гостиный двор навевывался, как в свою кладовую. Дело вёл он так умно, что доходов получал вдвое больше своих предшественников, и заслужил любовь всего города.) (С. 431–432)

Обеды у помещиков соответствуют их характеру. Так, об обеде у Манилова говорится очень невнятно. Был указан суп, баранина, неизвестно каким образом приготовленная, да предложен был чай. Если в кладовой пусто, то и на столе тоже было, очевидно, весьма просторно

Коробочка, желая привлечь внимание возможного покупателя к произведению её хозяйства, по своему вкусу угощала его. Здесь были и грибки, и пирожки, скородумки, шанежки, пряглы, блины, лепёшки со всякими припёками: с лучком, с маком, с творогом и ещё с чем-то. Особенно она надеялась

на пресный пирог с яйцом и блинki. Её хозяйственность видна во всём. Она — истинный представитель мелкотоварного, граничащего с натуральным, производства.

У Собакевича обеду предшествовала закуска: рюмка водки и всякие соленья; а обед был весьма внушительным. Здесь и щи с няней (блюдо, специальное прилагаемое к щам), бараний бок с кашей, ватрушки, размером больше тарелки, индюк, начинённый всякой всячиной, а потом ещё варенья разного рода.

Вторая беда

Постоянное пристальное внимание обращает Гоголь на российские дороги. Городские мостовые были весьма не хороши. Они подбрасывали экипажи, доставляя неприятности седокам. Даже столбовая дорога не всегда оказывалась хороша. Она не была достаточно широка, чтобы разъехаться двум экипажам, и тогда случались дорожно-транспортные происшествия, если мчался экипаж, запряжённый шестёркою лошадей. Просёлков было много, дороги расползались во все стороны. Указатели почему-то в России не приживались. Дороги, естественно, были грунтовые, покрывая всё пылью, а после дождя изгрязнялись необыкновенно.

И тем не менее дорога, бесконечно уходящая вдаль, сообщает душе проезжего неизъяснимые чувства: «летят вёрсты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес... Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета!..

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несёшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади... Русь, куда же несёшься ты?.. Летит мимо всё, что ни есть на земле, и, косясь, постараниваются и дают ей дорогу другие народы и государства» (С. 511–512).

Гоголь верил и надеялся, что талантливый русский народ сможет изжить негативные явления, чтобы занять подобающее ему место в мире.